

МНОГООБРАЗИЕ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ КАК СУЩНОСТНАЯ ЧЕРТА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

В. П. ЛЕГА
(ПСТГУ, МФТИ)

Многообразие философских систем всегда ощущалась всеми — в том числе и самими философами — как серьезный недостаток философии. По этой причине современный мир, ориентирующийся в основном на научное познание, часто относится к философии как к ошибке, недоразумению, но не как к попытке познания истины. В статье предпринимается попытка показать, что разнообразие философских учений — не недостаток, а сущность философии, истинная роль и значение которой могут быть поняты лишь в ее отношении к христианскому богословию — как многообразию путей, направляющих человека к Богу.

Многообразие философских систем всегда ощущалась всеми — в том числе и самими философами — как серьезный недостаток философии. Проблема очевидна — если философы высказывают разные, и даже противоположные, положения, то, следовательно, их нельзя считать истинными, ведь истина одна, значит, и истинное учение, в том числе и философское, должно быть одно. Этот «скандал в философии» ощущался еще в античности. Очень отчетливо эту ситуацию выразили скептики-пирроники. По словам Секста Эмпирика, «мы познаем существование неразрешимого спора об обсуждаемой вещи... у философов, вследствие чего мы не можем выбрать или отвергнуть что-либо и приходим к воздержанию от суждения»¹. Однако далеко не все философы соглашались со скептическими выводами. В большинстве своем они были убеждены, что разногласия в философии происходят вследствие каких-либо ошибок, и искали поэтому метод построения одной-единственной истинной философии. Эти поиски усилились особенно в Новое время, когда успехи естественных наук еще раз показали эту уязвимость философии. Начиная с XVII века многие философы полагали, что создание единственной философии возможно, надо лишь следовать научной методологии (так полагали Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс и многие другие).

¹ Секст Эмпирик. Сочинения. М., 1976. Т. 2. С. 239.

Но к началу XVIII века стало ясно, что эти попытки вновь привели лишь к созданию еще нескольких оригинальных философских систем, совершенно отличающихся во многих положениях друг от друга.

Тогда И. Кант, чтобы спасти ситуацию, предположил, что, прежде всего, надо исследовать само мышление на предмет его способности создавать научные высказывания, и уже затем решить вопрос о возможности существования научной философии. Вывод Канта, как известно, был отрицательным: философия (точнее, метафизика) как наука невозможна. Однако его последователи (особенно Г.В.Ф. Гегель), не согласившись в ряде положений с Кантом, вновь пошли по пути создания единственно верной философии. Правда, позиция Гегеля в вопросе о многообразии философских учений серьезно отличалась от мнений предшествующих философов. «Мы должны дать понять, что это многообразие философских систем не только не наносит ущерба самой философии — возможности философии, — а что, наоборот, такое многообразие было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии, что это является ее существенной чертой»², — писал он в начале своих «Лекций по истории философии». Но на словах провозгласив этот тезис, Гегель на деле продемонстрировал свое отношение к предыдущим философиям как ограниченным метафизическим способам рассуждения. По Гегелю, единственная истинная философия невозможна как метафизика, но возможна как диалектика. Однако при этом Гегелю пришлось пожертвовать основным законом мышления — законом непротиворечия, что, разумеется, оттолкнуло от него (а можно сказать, и вообще от философии как способа познания мира) ученых и вообще всех людей, ориентирующихся на науку.

Начало XIX в., таким образом, охарактеризовалось серьезным кризисом в философии. Создание позитивизма, марксизма и психоанализа явилось очевидной попыткой вытеснить философию из тех областей, в которых она всегда ощущала свой приоритет: познания истины, общества и человеческой души. Казалось бы, философия не смогла бы выдержать такого удара. Но, как показали в том же XIX в. С. Кьеркегор, Ф. Ницше и другие представители «философии жизни», этот кризис был обусловлен тем, что философия перепутала себя с наукой и стала пользоваться ее методом — рациональным постижением действительности. На самом же деле философия сугубо иррациональна, и поэтому она сущностно отличается от науки, рациональной системы познания. В этом случае методом философского познания становится не дискурс, а переживание. «...Почти

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб., 1994. Т. 1. С. 83-84.

всегда философия жизни есть восстание против формализма и позитивизма. Основное требование: возврат от расчленения к целокупности, от абстрактного знания к бытию, от описания к погруженности в. Отсюда же преобладание интуиции над рассудком, символичности и художественности над строгостью. Для Бергсона философия есть не восходящее знание, а — по аналогии с искусством — сумма духовных содержаний и их история»³. Не случайно «философия жизни» оказала огромное влияние на искусство XX в., а многие философы-иррационалисты (например, экзистенциалисты Ж.-П. Сартр, А. Камю, Симона де Бовуар и др.) были писателями. Но возможен и обратный вывод: не только философ жизни становится поэтом, но и великие поэты — это, прежде всего, великие философы жизни, ведь фундамент философии жизни — это жизненный опыт, самопознание, психология личности. Например, один из представителей философии жизни, В. Дильтей, считал первым мэтром этой философии Гёте⁴.

Но достоверность переживания субъективна, а истина — объективна. Отсюда несогласие философов, тяготеющих к науке, с выводами экзистенциалистов. Ведь в этом случае философия перестает быть философией, любовью к мудрости, и становится лишь искусством. Как писал Н.А. Бердяев, философия есть искусство, а не наука. Философия — особое искусство, принципиально отличное от поэзии, музыки или живописи, — искусство познания. Философия — искусство, потому что она — творчество. Философия — искусство, потому что она предполагает особый дар свыше и призвание, потому что на ней запечатлевается личность творца не менее чем на поэзии и живописи. Поэтому «подлинная философия есть искусство», — пишет он в работе «О рабстве и природе человека»⁵. Но если философия есть искусство, то понятие истинности к ней неприменимо. Конечно, ответ Бердяева дает некоторое решение проблемы многообразия философских систем, однако лишь ценой утраты философией своей сущности, коей во все века было любомудрие, т. е. истина, а не красота. Поэтому если у Бердяева в таком понимании философии виден позитивный аспект, то представитель научного мировоззрения увидит в этом очевидный недостаток философии. Так, Р. Карнап, известный представитель позитивизма XX века, пишет: «Метафизики — музыканты без музыкальных способностей. Поэтому они имеют сильную склонность к работе в области теоретического выражения,

³ Гарин И.И. Пробуждение разума. М., 1992. С. 307.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 199.

к связыванию понятий и мыслей. Вместо того, чтобы, с одной стороны, осуществлять эту склонность в области науки, а с другой стороны, удовлетворять потребность выражения в искусстве, метафизик смешивает все это и создает произведения, которые ничего не дают для познания и нечто весьма недостаточное для чувства жизни»⁶.

Этот неопределенный статус философии породил в конце XX века в русской философии ряд публикаций на тему многообразия систем (см. статьи Ахутина А.В., Зотова А.Ф., Ойзермана Т.И., Никифорова А.Л.). Причина появления этих размышлений понятна: отход от уверенности в существовании единственно-научной философии, ко-ей является марксизм. Несмотря на то, что эти авторы приходят к разным выводам, общая тональность одна: авторы признают плюрализм философий как нечто данное, как некий факт, с которым приходится смириться. Так, например, А.Л. Никифоров пишет: «Растущее разнообразие философских систем и концепций — решающий аргумент в пользу тезиса о том, что понятие истины к философии неприменимо. Мы можем говорить о приемлемости, о полезности, об убедительности философских утверждений, но не об их истинности! ...мы получаем достаточно серьезное основание для нашего главного вывода: философия принципиально отлична от науки.

Множественность философских систем, идей, взглядов — не признак кризиса или разложения, как мы привыкли считать, а, напротив, свидетельство того, что философы хорошо делают свое профессиональное дело — создают системы мировоззрения, выражающие умонастроение и мировосприятие все большего числа различных социальных групп. Для нас же разнообразие идей и мнений особенно важно сейчас, когда общество нуждается в широком спектре разнообразных моделей и целей последующего развития, чтобы иметь возможность выбрать наилучшую и наиболее подходящую для нашей страны.

Вместе с тем отсюда следует, что нельзя ставить человеку в вину его философское мировоззрение. Оно определяется многими факторами, главными из которых являются индивидуальные особенности человека, его воспитание, место в обществе и т.п. Все это часто не зависит от человека, как не зависит от него его рост или цвет волос.

И как бессмысленно преследовать человека за то, что он брюнет, скажем, а не блондин, точно так же бессмысленно обвинять его в том, что он идеалист, а не материалист, позитивист, а не экзистенциалист, христианин, а не мусульманин. Это кажется вполне три-

⁶ Карпан Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М., 1998. С. 90.

виальным, но как часто свое отвращение к каким-то идеям и взглядам мы переносим на сторонников этих взглядов! Понимание того, что философские системы дают не разные описания действительности, из которых лишь одно может быть истинным, а все остальные — ложны, но выражают разные отношения к миру разных людей, служит основой терпимости — той терпимости, которую мы так привыкли презирать и поносить»⁷.

Такую же терпимость к разным философским системам мы видим в статье Т.И. Ойзермана: «Следует поэтому согласиться с Г. Мартином, который, анализируя гегелевскую концепцию истории философии, приходит к выводу о неизбежности плюрализма философских систем: “То, что существует множество противостоящих друг другу философий и то, что они, по-видимому, всегда будут бороться друг против друга, — это является фактом. Но этот факт не является, с диалектической точки зрения, недостатком; это, скорее, необходимость. Для философии действительно существенно, что существует много философий. Философия может существовать лишь как множество философий”. Этот вывод я бы назвал современным пониманием сущности философии в отличие от точки зрения классиков. Классики философии, стремившиеся превратить философию в систему научного знания, осуждали плюрализм философских учений как нечто принципиально несовместимое с императивом истинной философии, с принципом научности. И действительно, в этом плюрализме особенно отчетливо, наглядно выявляется качественное отличие философии от частных наук, ее вненаучная характеристика. Однако классики философии не видели того, что в этом плюрализме философских учений получает свое выражение многообразие, богатство философских идей, непрерывный творческий процесс. В истории философии одновременно даны все стадии предшествующего философского развития. Здесь мы имеем единственную интеллектуальную плоскость, в которой мыслители разных эпох встречаются подобно современникам. Мы можем задавать вопросы нашим предшественникам, и хотя отвечать на эти вопросы приходится нам самим, философия прошлого помогает нам отвечать на эти, современные вопросы. С точки зрения современности, негативное отношение к плюрализму философских учений следует считать уже преодоленной, устаревшей концепцией. Было бы поэтому большой ошибкой представлять плюрализм философских учений как исторически переходящую характеристику развития философии, т. е. определенность,

⁷ Никифоров А.Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? М., 1990. С. 322.

которая лишь постольку существует, поскольку развитие философии еще не увенчалось последней, окончательной системой, абсолютной истиной в последней инстанции»⁸. Оправдывает плюрализм философских учений и А.Ф. Зотов, объясняя его отсутствием четкого предмета философии: «...в совокупности феноменов духовной культуры (в том числе и воплощенной в “материале”) нет и не может быть четких контуров того “предмета”, хорошо определенного множества “вещей”, или “свойств”, или “отношений”, коими может и должна заниматься философия»⁹. Объясняется этот плюрализм, по мнению А.А. Радугина, зависимостью философии от исторического процесса: «...на многообразии философских систем накладывает свой отпечаток историческая эпоха, место и время деятельности мыслителя, его национальная и вероисповедальная принадлежность и другие моменты, которые характеризуются определенными материальными и духовными параметрами: развитием производства, характером общественных отношений, состоянием науки, культуры, искусства, тенденциями в их развитии и т. д. Вероятно, определенное влияние может оказывать и социальное положение мыслителя»¹⁰.

Но вопрос, тем не менее, остается. Если у философии нет своего предмета, как тогда происходит идентификация и самоидентификация философа? В чем смысл и причина этого философского плюрализма? Есть ли какое-либо сущностное отличие философии от искусства и науки? И, возвращаясь к кантовскому вопросу, может ли философия быть наукой? Чтобы ответить на эти вопросы, мы предлагаем обратиться к определению предмета философии. Правда, и здесь царит неясность: предметом философии называют бытие, истину, благо, красоту, наиболее общие законы бытия, общества и мышления и т.п. К тому же любое подобное понимание предмета философии влечет за собой необходимость признать существование только одного учения, дающего ответ на эти вопросы. Ведь бытие одно, истина одна, законы вечны и т.д., значит, и учение о них должно быть единственным и неизменным. Смысл в существовании различных философских учений и их последовательной смене друг друга в истории, таким образом, отсутствует. Да и признание полной зависимости философии от истории не делает ей чести: выходит, что учение об истине зависит от исторических обстоятельств? Математик или физик в очередной раз снисходительно улыбнется.

⁸ *Ойзерман Т.И.* Философия как единство научного и вненаучного познания // Научные и вненаучные формы мышления (Симпозиум). М.; Киль, 1996.

⁹ *Зотов А.Ф.* Феномен философии: о чем говорит плюрализм философских учений // Вопросы философии. М., 1991. № 12. С. 19.

¹⁰ *Радугин А.А.* Философия. М., 2004. С. 32.

Следовательно, предмет философии, по всей видимости, несколько иной. Никто не сомневается, что перечисленные выше понятия изучаются философией, но многообразие вариантов учений о них показывает, что простого их перечня для понимания предмета философии недостаточно. И здесь мы вновь должны вернуться к самому началу — к Сократу, определившему задачу философии как самопознание. Предмет философии при таком ее понимании есть внутренний мир человека, его душа, а задача философии — это познание души. Как указывает А.Л. Доброхотов, «проблема человека (а точнее, проблема души, добавим мы. — *В.Л.*), по сути, является центром, к которому, как к городской площади, сходятся многообразные пути других философских размышлений»¹¹. При таком исследовании основными моментами философского поиска становятся истина, добро и красота, ведь, по практически единогласному признанию всех философов, именно к этим трем составляющим сводится вся человеческая деятельность, результатом которой является создание науки, практическая (прежде всего нравственная) и эстетическая (искусство) деятельность. Наука, нравственность и искусство, в свою очередь, есть плод духовной деятельности человека, есть отражение вовне его внутреннего мира, мира души. Отличие науки от философии состоит в том, что наука опирается на внешний опыт и на законы разума, одинаковые для всех людей (отсюда и «научность» науки), философия же опирается на опыт внутренний.

Таким образом, как нам представляется, именно в природе души человека кроется загадка философии и ответ на ее исторические проблемы. Душа индивидуальна, следовательно, философское учение всегда окрашено в личностные черты. Но природа души у всех людей одинакова, значит, философия тоже имеет объективный статус и в разных своих вариантах говорит об одном и том же. Однако вся природа души не сводится только лишь к ее разумной или чувственной деятельности, поэтому и сведение всей философии только к науке или искусству неправомерно, является ее ограничением. Лишь учение о полноте души может быть тем целостным философским знанием, к которому всегда стремились философы.

Еще Платон указывал на тройственный состав души, имеющей в себе три начала: разумное, яростное (волевое) и воделеющее (чувственное). Но наиболее последовательно развитое учение о душе мы найдем в христианском богословии. На троичный состав человеческой души, состоящей из волевого, разумного и чувственного начал, указывали многие отцы Церкви. Например, преп. Максим

¹¹ Доброхотов А.Л. Введение в философию. М., 1995. С. 42.

Исповедник в «Вопросоответах к Фалассию» пишет: «...всякий ум... приобретает себе разумную силу... от нее присуще родиться знающей вере, в соответствии с которой [ум] неизреченно научается относительно вечно присутствующего Бога и посредством надежды общается с будущим, словно с настоящим. [Ум стяжает себе также] и желательную силу, благодаря которой возникает Божественная любовь... Наконец, [ум] приобретает себе еще и яростную силу... И всякий ум обладает этими силами, содействующими ему в уничтожении порока, а также в образовании и сохранении добродетели; они подобны старейшинам, потому что являются первыми и основополагающими частями сущности души; подобны еще они и начальникам, ибо начальствуют над душевными движениями, берущими свой исток в них, и благодаря волению движущего ума обладают властью над производимыми этими силами деяниями»¹². Причем, что весьма важно, многие отцы Церкви указывали, что троичный состав души есть отображение в себе, в своей духовной структуре и жизни, внутритроичной жизни Бога. Так, преп. Иоанн Дамаскин пишет: «Бытие человека по образу и подобию Божию ясно из существования разумной и словесной души в трех ее особенностях, т. е. ума, слова и духа, по примеру божественной сущности: Отца, Сына и Святого Духа»¹³. Св. Кирилл Александрийский также видит проявление образа Божия в человеке в его разумности, свободной воле и стремлению к добру и господствованию. Но наиболее подробно развивает эту тему св. Григорий Нисский, согласно которому душа человека имеет три способности — вожделения, разумения и раздражения; через вожделение она соприкасается с любовью Божией, через разумение, воспринимает от Него исходящее ведение и мудрость, а через гнев противостает против лукавых духов. «Если поэтому кто-либо пожелал узнать, как человек создан по образу и подобию Божию, — пишет св. Григорий Нисский, — то пусть исследует и вникнет в эти и подобные прикровенные рассуждения и рассмотрит естественное строение своей разумной души. Пусть он подробно и тщательно изучит части ее и части частей ее; причины (логосы), образы и проявления ее; соединения и различия ее, т. е. единовидность и трехчастность ее; единичное, сугубое и трегубое начала ее; то, как эта душа едина, и в трех силах созерцается, и как она примерно познается Единицей в Троице и Троицей во Единице, по образу и подобию Божию»¹⁴.

¹² *прп. Максим Исповедник*. Творения. М., 1995. Т. 2: Вопросыответы к Фалассию. Ч. 1. С. 152.

¹³ Цит. по: *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 242.

¹⁴ *свт. Григорий Нисский*. Что значит, по образу и подобию. Цит. по: *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. С. 158-159.

Таким образом, самопознание, т. е. познание человеком своей души во всей ее полноте, соприкасается с богопознанием. Поэтому философия по своей сути есть не что иное, как естественное, или основное, богословие, предметом которого, как указано в любом учебнике по основному богословию, есть истина бытия Божия и учение о душе¹⁵. В таком случае становится еще более понятно то определение философии, которое дал преп. Иоанн Дамаскин: «...философия есть любовь к мудрости; Бог же есть истинная мудрость. Посему истинная философия есть любовь к Богу»¹⁶.

Подводя итог, мы можем сказать, что многообразие философских систем есть следствие неосознаваемой интеллектуальной любви человека к Богу, *amor Dei intellectualis* (Спиноза). Но в силу того, что познание Бога превышает возможности человеческого разума, философ создает как бы проекции божественного бытия, истины, благодати, красоты и т.п. на наш рассудок, создавая разнообразные системы философии. В соответствии с этим можно предложить и некоторую классификацию типов различных философских систем, соответственно трем началам души, понимая, конечно, всю условность такой классификации, поскольку, в силу единства души, эти три начала постоянно взаимодействуют и взаимопроникают. Однако любой философ вынужден при своем построении философского учения опираться на некий абсолютно достоверный для него факт, некую аксиому, выделяя ее среди иных философских положений и выводя их из этой первоначальной интуиции. Разумному началу в таком случае соответствовали бы рационалистические и идеалистические системы философии (например, Платон, Декарт, Спиноза, Гегель, Гуссерль), вожделеющему (чувственному) — сенсуалистические и материалистические (стоики, Локк, Дидро, Маркс), а яростному (волевому) — волюнтаристские и иррационалистические (Иоанн Дунс Скот, Кьеркегор, Ницше, Н.Бердяев, Ж.-П.Сартр). Поскольку же каждое из этих учений по-своему стремится к познанию всей полноты истины, то и использовать в качестве апологетического средства для защиты христианства можно любую внутренне честную философию. Пример такого использования философии в апологетических и богословских целях показали нам отцы и учителя Церкви. Так, философию Платона и неоплатоников широко использовали блаж. Августин и Дионисий Ареопагит, Аристотеля — преп. Иоанн Дамаскин и свят. Василий Великий, стоиков — Тертуллиан. Святитель Григорий

¹⁵ См., напр.: *Рождественский Н.П.* Христианская апологетика: Курс основного богословия. СПб., 1884. С. 8.

¹⁶ *прп. Иоанн Дамаскин.* Источник знания. М., 2002. С. 57.

Богослов в Слове 43, «надгробном Василию», пишет: «Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению и в глубину погибели. Мы извлекали из них полезное даже для самого благочестия, через худшее научившись лучшему, и немощь их обратив в твердость нашего учения. Поэтому не должно унижать ученость, как рассуждают об этом некоторые; а напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, придерживаясь такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве»¹⁷. На примере отцов Церкви должен строить свое отношение к философии и современный богослов, беря от каждой из них то, что помогает укрепить веру современного человека и привести в Церковь того, кто по своему неразумию или гордыне отрицает бытие Божье. А с другой стороны, философ тоже должен извлечь урок из многовековой межфилософской распри и смирить свой разум в понимании, что истина, которую он ищет, превышает человеческое ведение и есть не что иное, как божественная Истина.

VARIETIES OF PHILOSOPHICAL SYSTEMS AS AN ESSENTIAL FEATURE OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

V. P. LEGA

Diversity of philosophical systems has always been evident for all scholars including philosophers and considered as a grave drawback of philosophy. For this reason, the contemporary world taking into consideration mainly scientific cognition often treats philosophy as a mistake, miscomprehension, but not as an attempt to cognize the truth. The author of the article tries to show that the diversity of philosophical teachings is not a drawback, but the essence of philosophy, whose unfeigned role and significance can be comprehended only with regard to Christian Theology as the diversity of ways heading man towards God.

¹⁷ *свт. Григорий Богослов. Собрание творений. М., 1994. Т. 1. С. 609.*